

А.П. Чехов

Из писем актерам и режиссерам Московского Художественного театра

...Дом должен быть большой, солидный; деревянный <...> или каменный, это все равно. Он очень стар и велик, дачники таких домов не нанимают; такие дома обыкновенно ломают и материал пускают на постройку дач. Мебель старинная, стильная, солидная; разорение и задолженность не коснулись обстановки.

(К.С. Станиславскому, 5 ноября 1903 года)

Только во втором акте вы дадите мне настоящее зеленое поле и дорогу и необычайную для сцены даль.

(Вл.И. Немировичу Данченко, 22 августа 1903 года)

Умна, очень добра, рассеянна; ко всем ласкается, всегда улыбка на лице [о Раневской].

(О.Л. Книппер Чеховой, 14 октября 1903 года)

Лопахин, правда, купец, но порядочный человек во всех смыслах, держаться он должен вполне благопристойно, интеллигентно, не мелко, без фокусов...

(К.С. Станиславскому, 30 октября 1903 года)

Лопахина надо играть не крикуну, не надо, чтобы это непременно был купец. Это мягкий человек.

(О.Л. Книппер-Чеховой, 30 октября 1903 года)

Шарлотта говорит не на ломаном, а чистом русском языке; лишь изредка она вместо *ь* в конце слова произносит *ъ* и прилагательные путает в мужском и женском роде. Пищик русский, разбитый подагрой, старостью и сытостью старик, полный, одетый в поддевку (а la Симов), сапоги без каблуков. Лопахин — белая жилетка и желтые башмаки, ходит, размахивая руками, широко шагая, во время ходьбы думает, ходит по одной линии. Волосы не короткие, а потому часто вскидывает головой; в раздумье расчесывает бороду, сзади наперед, т. е. от шеи ко рту. Трофимов, кажется, ясен. Варя — черное платье, широкий пояс.

(Вл.И. Немировичу-Данченко, 2 ноября 1903 года)

Аня прежде всего ребенок, веселый до конца, не знающий жизни и ни разу не плачущий, кроме II акта, где у нее только слезы на глазах.

(О. Л. Книппер Чеховой, 21 октября 1903 года)

Почему на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев в моей пьесе видят положительно не то, что я написал, и я готов дать какое угодно слово, что оба они ни разу не прочли внимательно моей пьесы.

(О.Л. Книппер-Чеховой, 10 апреля 1904 года)